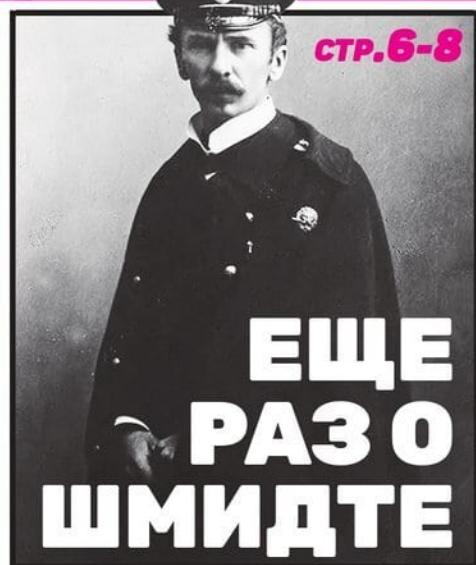

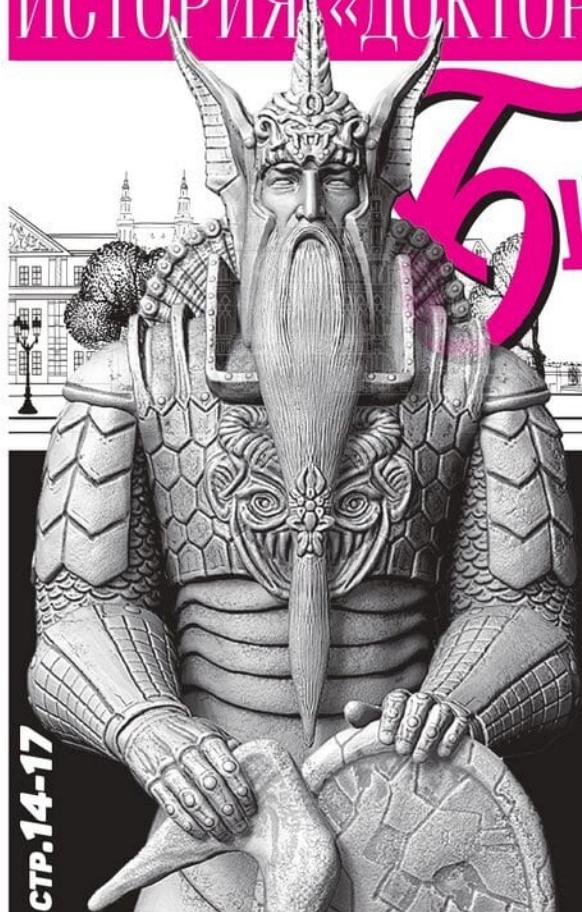
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

Колбаса как лекарство:
История «Докторской»

ЕЩЕ
РАЗО
ШМИДТЕ

БАБА-ЯГА и
КОЩЕЙ
БЕССМЕРТНЫЙ
— ВЫМЫСЕЛ и
ПРОТОТИПЫ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

№7 (88)
ФЕВРАЛЬ 2022

СТР.5

ВЕРА
АЛЕНТОВА.
РОЖДЕННАЯ ИГРАТЬ

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ:
РОМАНТИК
СОВРЕМЕННОСТИ

СТР.11

Геннадий Норд

Людям нужны герои. Это нехитрое правило строго выполнялось советской властью. Однако часто оно приводило к тому, что некоторые личности, «канонизированные» пропагандой, на самом деле своим светлым образом соответствовали лишь отчасти.

В случае легендарного морского офицера, одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 года Петра Петровича Шмидта эта часть была, пожалуй, слишком мала. Его лиловые сыновья-аферисты, расплодившиеся в 1920-х годах, как ни странно, на самом деле имели много общего со своим прославленным «отцом».

Мы знаем о лейтенанте Шмидте из школьного учебника истории, помним фильм «Почтовый роман» о его романтической любви. Выражение «сын лейтенанта Шмидта» в Советском Союзе стало нарицательным, благодаря роману Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Родился Петр Петрович Шмидт 5 (17) февраля 1867 года в городе Одессе Херсонской губернии в семье дворянин. Его отец, Петр Петрович Шмидт — потомок корабельного мастера Антона Шмидта, выпущенного в конце XVII столетия, в числе других мастеров, впоследствии контр-адмирал.

Отец, Петр Петрович Шмидт, участник Крымской войны, герой обороны Севастополя, за мужество и отвагу при защите Севастополя награжден орденами Святой Анны 3-й степени с бантом и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Там же познакомился со своей будущей женой, приехавшей, чтобы ухаживать за ранеными, Екатериной Яковлевной, урожденной фон Вагнер (1835-1877).

В 1876 году высочайшим указом в чине капитана 1-го ранга был назначен начальником города и порта Бердянска. На этой должности содействовал ускорению строительства порта, благоустройству города Бердянск. За успехи, достигнутые в строительстве порта и города, П.П.Шмидт был произведен в контр-адмиралы. По регламенту парусного флота адмиралом командовал основными силами, а контр-адмирал — резервом.

Шмидт-старший был дважды женат. Дети от первого брака — Анна, Мария и Пётр, герой нашего очерка.

Вторым браком Шмидт-старший был женат на дочери предпринимателя Н.Н.Бутепона — Ольге Николаевне Бутепон. Дети от второго брака: Лев, погиб в 1904 на броненосце «Петропавловск», и Владимир, также морской офицер, служил у П.Н.Врангеля, эмигрировал с частью флота в Бизерту, позднее поселился в Нью-Йорке, был старостой прихода русского храма.

Родной брат Петра Петровича, дядя нашего героя, немало сделал для своего племянника, всегда стараясь выручить, помочь, Владимир Петрович Шмидт (1827-1909) — русский адмирал, участник Крымской войны, герой обороны Севастополя, участник Русско-турецкой войны. В 1890-1909 годах — первый по старшинству среди военно-морских чинов российского флота, старший флагман Балтийского флота. Стал полным адмиралом и кавалером всех бывших в то время в России орденов, а потом и сенатором. Умер в 1909 году в Ревеле и по завещанию похоронен в Севастополе в усыпальнице адмиралов — Владимирском соборе. В его честь назван мыс Шмидт на острове Русский, который находится в километре от Владивостока.

А теперь о нашем герое.

Мальчик с детства бредил морем, и в 1880 году поступил в Петербургское морское училище — Морской кадетский корпус. Правда, очень быстро выяснилось, что в реальности военная дисциплина не для него. У мальчика сразу начались нервные срывы и припадки. Только с помощью авторитетных родственников он одолел этот этап жизни.

В 1880-1886 годах Петр Шмидт учился в Петербургском морском училище. По окончании Морского училища был произведен в мичманы и назначен на Балтийский флот. Но царская служба с унижением и бесправием низших чинов претила молодому офицеру.

ЕЩЕ РАЗ О ШМИДТЕ

С женой и сыном

Однако уже через два года службы молодой офицер совершает поступок, который должен бы поставить крест на всей его дальнейшей карьере — он женится на женщине с «желтым билетом» — то есть на профессиональной проститутке Доминики Павловой. Отец Петра Шмидта от такой выходки сына слег и вскоре умер. Дальше за его судьбу нес ответственность дядя, Владимир Шмидт, старший флагман Балтийского флота. Влиятельному родственнику удалось замять скандал и перевести непугового племянника на Тихоокеанский флот.

Тем не менее, они с Доминикой прожили 18 лет. В семье родился сын, которого назвали Евгением.

Но за женой волочился шлейф скандальных слухов и Петер Петрович спасаясь от них, дома почти не бывал, большую часть года проводил в плаваниях.

На Тихоокеанском флоте он тоже не прижился, и дядя с трудом добился его перевода на Черноморский флот.

Морскую службу на Черноморском флоте он начал с конфликта в кабинете командующего флотом адмирала Кулага: «Находясь в крайне возбужденном состоянии, говорил самые несуразные вещи».

Некоторые его поступки выглядели попросту безумными. Возможно, виной тому не лучшая наследственность: его двоюродный дядя закончил свои дни в лечебнице, двое старших братьев умерли в юности от «мозговой горячки», сестра Мария страдала нервными припадками, которые в итоге довели ее до самоубийства.

Одной из причин нервного срыва было поведение жены, которая упрямо не желала перевоспитываться.

Молодого офицера отправили в морской госпиталь, а оттуда в длительный отпуск.

Выйдя из клиники, Шмидт был уволен со службы в чине лейтенанта. По некоторым данным, получив наследство умершей тети, уехал с женой и маленьkim сыном в Париж. Поступил в школу воздухоплавания Эженя Годара. Но это занятие не сулило успеха, семья бедствовала, и в начале 1892 года они переехали в Польшу, затем в Лифляндию, Петербург, Киев, где полеты также не дали желаемых сбоев. В России в одном из показательных полетов Шмидт потерпел аварию, и в результате весь остаток жизни он страдал от болезни почек, вызванной жестким ударом корзины аэростата о землю.

После начала Русско-Японской войны поступил в 1904 году в эскадру Зиновия Рожественского. Оказалвшись на Дальнем Востоке, он сменил немало военных кораблей и ни на одном не ужился.

Возможно, был слишком интеллигентным, а надо было проявить силу характера? Как знать? Испортить отношения он умудрился даже с командующим эскадрой контр-адмиралом Григорием Чухиным, старым знакомым своего дяди. В 1898 году тот избавился от беспокойного лейтенанта, вторично уволив его в запас.

Шмидт был назначен командовать отрядом из двух миноносцев, стоявших в Измаиле.

Здесь он похищает отрядную кассу, в которой 2,5 тысячи золотых рублей, и отправляется «путешествовать» по югу России. Деньги кончились быстро, и Шмидт сдался властям.

Но следствии он пытался доказать, что деньги он потерял или их у него украли еще в Измаиле. Якобы, он успел в поезде, и — деньги украли. А в багаже подался, опасаясь неприятностей.

Дезертирство в военное время — это уже не проступок, а преступление. Дяде пришлося изрядно постараться, чтобы спасти племянника от суда и каторги. Деньги дядя взметтил, а Шмидта с военной службы опять уволили.

Шмидт не состоял ни в одной партии, называл себя внепартийным социалистом, осуждал социал-демократов — за недостаточно внимательное отношение к требованиям крестьянства, а социалистов-революционеров — за террор, к которому он относился, безусловно, отрицательно; стоял за учредительное собрание, избранное всеобщей подачей голосов; отстаивал конституционную монархию.

17 октября 1905 года царь издал манифест, гарантирующий «незыблевые

основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, сбраний и союзов».

Поверив царю, Шмидт 20 октября 1905 года во время похорон в Севастополе мирных граждан, убитых во время демонстрации, произнес речь, принесшую ему широкую популярность. Над могилой павших Шмидт, а он был блестящим оратором, сказал: «Клянемся никогда никому не уступить ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав. Клянемся!». Клятву повторили тысячи пришедших проводить погибших в последний путь.

Через день Шмидта арестовали. Держали его на броненосце «Три святителя» в железной клетке две недели.

По России прокатилась волна протестов, и царское правительство было вынуждено освободить Шмидта. Но он остался в Севастополе.

8-10 ноября 1905 года началось сильное брожение на крейсере «Очаков». Команда крейсера состояла из 385 матросов, в основном, новобранцев.

Шмидт был единственным офицером военно-морского флота, хотя и бывшим, ставшим на сторону революции. Именно поэтому матросы крейсера «Очаков» вели переговоры с Шмидтом. Они пришли к нему на квартиру. Шмидт поздоровался с каждым за руку. Это были знаки демократизма.

Ознакомившись с требованиями матросов, Петр Петрович посоветовал им выдвигать не условия улучшения службы и быта, а политические требования, и тогда к ним прислушаются всерьез, и будет о чем торговаться на переговорах с начальством.

И когда 13 ноября 1905 года брожение разразилось бунтом, то Шмидт оказался во главе его.

14 ноября лейтенант Шмидт прибыл на «Очаков» вместе с 16-летним сыном. Сына, вероятно, взял, надеясь на снисхождение в случае ареста. Он понимал: восстание обречено на провал, но согласился — честь превыше всего. «С нами весь народ!» — сказал он матросам. — Это не мятеж. Мы поднялись за народную правду. И за эту правду я готов умереть».

Он приказал дать сигнал: «Команду флоту, Шмидт».

И сразу вслед за этим отправил телеграмму Николаю II:

«Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется более Вашим министрам. Командующий флотом П.Шмидт».

Но на других кораблях матросы молчали, а офицеры называли лейтенанта бандитом и изменником.

Шмидт «за волоса схватясь, заплакал»: «Подвели, канали. Кругом рабы!». В ночь на 15 ноября ударные отряды овладели минным крейсером «Гриден», миноносцем «Свирепый», миноносцами и несколькими мелкими судами, а в порту захватили некоторое количество оружия. Тогда же к восставшим присоединились экипажи канонерской лодки «Уралец», миноносцев «Заветный», «Зоркий», учебного корабля «Днестра» и минного транспорта «Буг».

Утром на всех восставших кораблях были подняты красные флаги. К взбунтовавшимся крейсеру пристали броненосцы «Пантелеймон» — бывший броненосец «Петромин» — и несколько других судов.

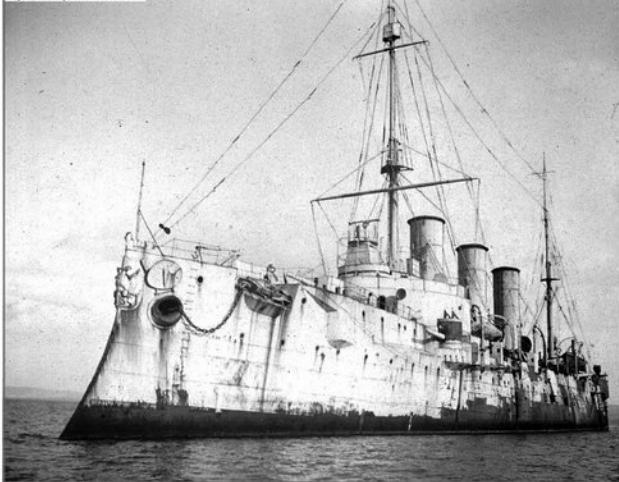
Во второй половине дня 15 ноября восставшим был предъявлен ultimatum о сдаче. Не получив ответа на ultimatum, адмирал Чухин приказал открыть огонь по восставшим кораблям. На «Очакове» начался пожар; уцелевшая часть экипажа стала спасаться на шлюпках. После двухчасового боя восставшие сдались. Последним бросился в воду командир лейтенант Шмидт.

Его и сына посадили в тюрьму на острове Березань. Туда же отправили трех матросов.

Сын был с ним до суда. Потом сестре Петра Петровича разрешили его забрать.

Шмидт был предан закрытому военно-морскому суду, проходившему в Очакове с 7 по 18 февраля 1906 года.

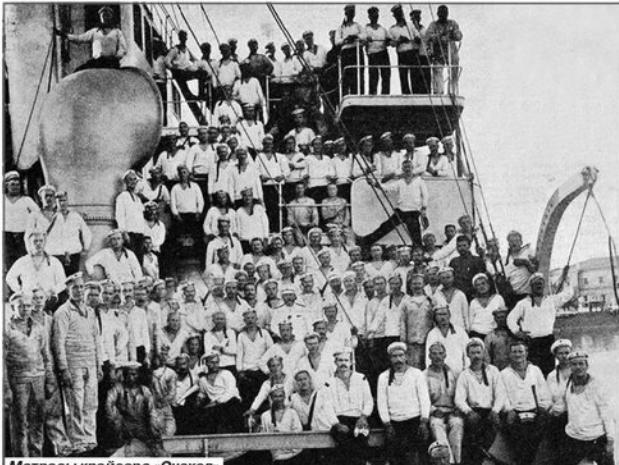
Крейсер «Очаков»

Офицеры крейсера «Очаков»

Матросы крейсера «Очаков»

Обвинители считали необходимым признать виновным Шмидта по статьям «Вооружённое восстание» и «Попытка к насильственному ниспровержению существующего строя». Защитники же начали ссыпали на том, что Шмидт совершил лишь дисциплинарное нарушение, и не вёл огня с «Очакова». Шмидт грозил за каждого казненного или убитого матроса казнить по пленному офицеру, но не исполнил этой угрозы. По словам обвинительного акта суда, Шмидт на огонь отвечали слабым огнем; по другим сведениям, он и вовсе не отвечал. Во всяком случае, Шмидт, избегая кровопролития, ничего не сделал, чтобы отстаивать свои требования вооруженной рукой.

Как вспоминал затем мичман Гарольд Граф, который несколько месяцев служил с Петром Петровичем, Шмидт «происходил из хорошей дворянской семьи, умел красиво говорить, великолепно

играл на виолончели, но при этом был мечтателем и фантазером».

Конечно, для реализации своих фантазий у него не было ни малейших возможностей.

Жена Шмидта обращалась к царю с прошением о признании её мужа душевнобольным, но сам Шмидт категорически отказался от медицинского освидетельствования на невменяемость, и такая экспертиза не была проведена.

В судье лейтенанта была замечательная встреча с Идой (Зинаидой) Ризберг в августе 1905 года. (В ноябре этого же года он возглавил мятеж на крейсере «Очаков»). Они встретились на Киевском ипподроме, а затем совершили случайно оказались в одном купе поезда «Киев — Керчь».

Ида Ризберг была дальней родственницей поэта, публициста и педагога Израиля-Бера Ризберга.

Позднее Зинаида Ивановна вспоминала: «Мы обменялись фотографиями, знакомство наше на расстоянии крепло, духовная связь росла. Шмидт писал мне каждый день, писал обо всем: о своих мелких домашних делах, о своем финансовом положении, о своем сыне».

Шмидт на самом деле писал ей ежедневно.

2 января 1906 года Ида добилась разрешения на ежедневные свидания с арестантом в крепости. В мрачном каземате она привнесла гиацинты и ландыши, но, увидев седого, изможденного человека, обреченного на смерть, рухнула на нары...

Когда приговор прочли в окончательной форме, то разрешили им проститься ту же в здании суда.

«Я могла прильнуть к его руке... Он обнял меня, обнял сестру и заторопился...» — записала Ида в дневнике.

Когда осужденных вели на казнь, она с трудом прорвалась сквозь цепь конвойных и пошла рядом со Шмидтом.

Ей в первый и последний раз позволили обнять Петра Петровича и в тот же день передали его последнее письмо: «Прощай, Зинаида!. Я счастлив, что исполнил свой долг. И, может быть, прожил недаром. Еще раз благодарю тебя за те годы жизни-переписки и за твой приезд. Обнимаю тебя, живи, будь счастлива. Твой Петр».

Ида Ризберг осталась в Советской России и даже получала от властей персональную пенсию. Она перечисляла заветные письма из каземата: «Главное — будьте покойны и не страдайте за меня. Повторяю: я счастлив. Вы чудо. Вы самое поразительное из чудес...»

Много лет на столе Иды стоял портрет Шмидта, написанный киевским профессором В.А.Русецким, ее вторым мужем.

На основе переписки Ризберг со Шмидтом было создано несколько книг и снят фильм.

Долгие годы Ида прожила в Москве, умерла в 1961 году в возрасте 72 лет и похоронена на Ваганьковском кладбище. На ее надгробии надпись: «Здесь почивают прах З.И.Русецкой-Ризберг — друга лейтенанта П.П.Шмидта, героя революции 1905 года».

ИЗ ПИСЕМ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

«Как бы ни проходил мой день — в утомительной ли и бессмыслицей службе, в работе моей, которую я люблю... я много, много раз успевал подумать о вас...

Сегодня дивное утро, я проснулся очень рано, открыл окно, на меня пахнуло утром, свежестью и радостью, и я подумал о вас. Мне легче с думами о вас, думы отводят грусть, дают энергию к работе.

Наша мимолетная, обыденная, вагонная встреча, наше медленно, но идущее все глубже сближение в переписке, моя вера в вас — все это наводит меня часто на мысль о том, что пройдет ли мы бесследно для жизни, друг для друга. И если не бесследно, то, что принесем друг другу: радость или горе?»

«Вы еще спите, Зинаида Ивановна? Встречайте же день! Встречайте весело и радостно! Не теряйте его, что может быть сделано сегодня, не может быть сделано завтра, и неизмеримо велика ценность каждого дня, прожитого мгновения.

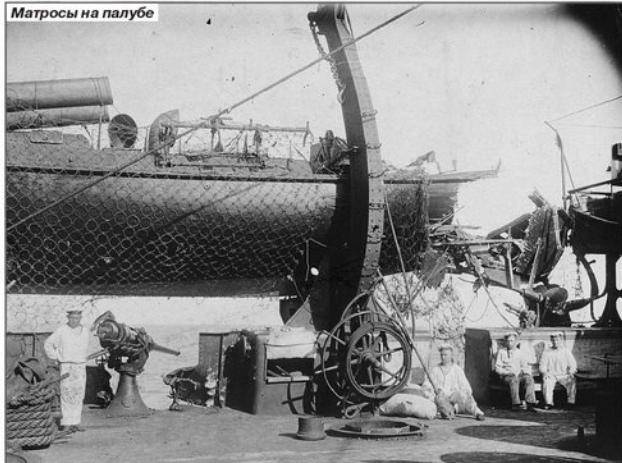
О, как бы я хотел передать вам всю силу этого внутреннего, где-то глубоко в душе таящегося трепетного счастья. Счастье чувства, мысли, бытия!»

«Я писал тебе при всякой возможности, но письма эти, верно, не доходили, ты прости меня, моя голубка, нежно, безумно любимая, что я пишу тебе так, говорю тебе «ты», но строгая, предсмертная серьезность моего положения позволяла мне бросить все условности.

Знаешь, в чем был и есть источник моих страданий, — в том, что ты не привехала... Ведь ты не знаешь, что перед

«Лейтенант Шмидт в окружении восставших матросов», художник Вячеслав Жемерикин

Матросы на палубе

Окончание. Начало на с. 7

казнь дают право прощаться, и я бы спросил тебя, а тебя нет. Это было бы для меня страшным и последним горем в моей жизни...»

«Голубка моя, если суждено мне прекратить жить – забудь скорее меня. Пусть тогда все, что протекало в нашей с тобой жизни – переписке... отойдет от тебя, как сон и не налагает страданий на твою осиротевшую душу, забудь тогда и живи. Если же я останусь жить, то не забывай меня. Тогда будь со мной, тогда мы, соединяясь, встретим бодро все беды жизни и в самой тяжести и невзгодах будем счастливы...»

«Прощай, Зинаида. Сегодня принял приговор в окнательной форме. Вероятно, до казни осталось дней семь-восемь. Спасибо тебе, что приехала облегчить мне последние дни. Я проникнут важностью и значительностью своей смерти, а потому иду на нее бодро, радостно и торжественно. Я счастлив, что исполнил свой долг. И, может быть, прожил недаром. Еще раз благодарю тебя за те полгода жизни-переписки и за твой приезд. Обнимай тебя, живи и будь счастлива. Твой Петр».

На суде Шмидт старался смягчить наказание другим, брал всю вину на себя, выражал полную готовность подвергнуться казни. Ни один свидетель защиты на суд допущен не был. Последнее слово мятежного лейтенанта изумило публику в зале: «Перед вами на скамье подсудимых вся стомиллионная Россия, ей вы несете свой приговор, она ждет вашего решения...»

Решение суда было однозначным: смертная казнь. 20 февраля был вынесен приговор, по которому Шмидт и три матроса были расстреляны на острове Березань.

В царские годы, разумеется, об «изменниках» постарались забыть, но после Февральской революции ситуация кардинально изменилась. Останки Петра Петровича были перезахоронены с воинскими почестями в Севастополе. Приказ о перезахоронении отдал будущий верховный правитель России адмирал Александр Колчак.

В мае 1917 года военный и морской министр Александр Керенский возложил на могильную плиту Шмидта офицерский Георгиевский крест.

А что же сын лейтенанта Шмидта?

На момент восстания на «Очакове» Евгению Шмидту было шестнадцать лет. На крейсер к отцу он добрался самостоятельно и оставался вместе с ним до момента ареста. Евгения тоже арестовали, но через сорок дней освободили без предъявления обвинений, как несовершеннолетнего.

После казни отца Евгений Шмидт жил у своей тетки в Керчи, учился в реальном училище, затем окончил Технологический институт. После начала Первой мировой войны он окончил школу прапорщиков инженерных войск.

Памятник лейтенанту Шмидту

Зинаида Ризберг

Памятник восставшим очаковцам

8 мая 1917 года на торжествах в память о герое революции лейтенанте Шмидте подпоручик саперной роты Евгений Шмидт стал одним из главных гостей. Решением Временного правительства ему было дано право на ношение двойной фамилии Шмидт-Очаковский.

Впрочем, плодами отцовской славы Евгений толком воспользоваться не сумел. Обстановка в стране стремительно менялась. Октябрьскую революцию Шмидт-Очаковский принял в штыки и вскоре примкнул к Белому движению. Евгений воевал в ударных частях барона фон Врангеля и в 1920 году покинул Крым вместе с Севастопольской эскадрой.

После пребывания в Галиполийском лагере он уехал в Чехословакию. В 1926 году в Праге он издал книгу «Лейтенант Шмидт. Воспоминания сына», в которой писал: «За что ты погиб, отец?! Ужели для того, чтобы сын твой увидел, как рушатся устои тысячелетнего государства, как великая нация сходит с ума, как с каждым днем, как с каждой минутой все более втальцовываются в грязь те идеи, ради которых ты пошел на Голгофу?»

Последние годы Евгения Шмидта были совсем уж мрачными: забытый всеми, он проживал в парижском приюте для бедняков.

В 1951 году его не стало.

Тем временем лейтенант Шмидт был включен и в пантеон героев революции, одобренных советской властью. Беспартийный офицер-романтик, принявший смерть за народ!

А что сын? Кто его видел? Такая ситуация была крайне удобной для мошенников. Но свет появилось крылатое выражение «дэти лейтенанты Шмидта».

Впервые эту крылатую фразу увидели читатели романа Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Остап Бендер представил себя потерянным сыном известного лейтенанта Шмидта.

Ильф и Петров не выдумали схему мафии, а иронично описали реально существующий обман. Дело в том, что отказаться сыну Шмидта никто не решался. Ничтожный шанс того, что перед председателем стоит настоящий отпрыск лейтенанта, существовал. В случае отказа местную администрацию ожидала страшная кара. Ребёнку революционера достаточно было написать жалобу в Москву. За жалобу последовала бы проверка, а этого, да еще под руководством идейных партийцев никто не любил. Поэтому местная власть предпочитала отдавать деньги, талоны, провизию.

Имя Петра Петровича Шмидта носят улицы, набережные и парки во многих городах.

На острове Березань в 1968 году архитекторы Л. И. Галина и А. Н. Очаковский установили памятник в память расстрелянным руководителям восстания.

Мемориальный Дом-музей П. П. Шмидта с 1980 года работает в Бердянске, помещаясь в доме, где семья бердянского градоначальника П. П. Шмидта проживала более десяти лет.

Образ Петра Петровича Шмидта широко отражен в искусстве. Опера, романы, картины, поэмы, фильмы...